

The Image of a Man of the Frontier on the example of the Don's Nonresident Peasantry

Mariya A. Kolomeytseva (a) & Alexandr N. Komandzhaev (b)

(a) Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia. Email: [marijaandreeva\[at\]mail.ru](mailto:marijaandreeva@mail.ru)

(b) Kalmyk State University. Elista, Russia. Email: [ak.narma\[at\]mail.ru](mailto:ak.narma@mail.ru)

Abstract

The article is devoted to the consideration of the image of a frontiersman on the example of the nonresident peasantry of the Don. On the Don (Don Cossack Region), the formation of the social structure had one important feature: as a result of colonization, two separate categories of the population were formed – indigenous and nonresident, whose rights and status differed. The purpose of the study is to determine to what extent the factor of frontier influenced the formation and functioning of the social space and its communities in their development, focusing the research on a nonresident peasant. In the course of the work, the place and role of the nonresident peasantry in the development and burgeoning of the region are determined, behavioral models are characterized, which were largely conditioned by the traditions laid down during the of frontier period, relations with the indigenous population are considered. The result of the work was picturing of the image of the nonresident peasantry as a type of a “frontiersmen” who actively explore the external space in various aspects of social and industrial life. It is concluded that the frontier was a factor in the formation of a special way of social life; it influenced the formation and development of local communities and the choice of behavioral models. The research materials can be used in the study of micro-and macro-history of Russia; the article is intended for scientists and a broader reading public.

Keywords

Southern Frontier; Socio-Cultural Processes; Don's Region; Agrarian Migrations; Peasant Colonization; Post-Reform Period; Nonresident Peasantry; Integration; Behavioral Models; Mentality

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Образ человека фронта на примере иногороднего крестьянства Дона

Коломейцева Мария Андреевна (а), Команджаев Александр Нармаевич (б)

(а) Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия.
 Email: [marijaandreeva\[at\]mail.ru](mailto:marijaandreeva@mail.ru)

(б) Калмыцкий государственный университет. Элиста, Россия. Email: [ak.narma\[at\]mail.ru](mailto:ak.narma@mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению образа человека фронта на примере иногороднего крестьянства Дона. История и особенности освоения приграничных и окраинных территорий предопределяли социокультурную специфику фронтальных сообществ, как в период существования фронта, так и на более поздних этапах. На Дону (Область войска Донского) формирование социальной структуры имело важную особенность: в результате колонизации образовались две отдельные категории населения – коренные и иногородние, права и статус которых различались. Цель исследования – определить, как фактор фронта повлиял на формирование и функционирование социального пространства и его сообществ в их развитии, с локализацией объекта исследования на иногороднем крестьянстве. В ходе работы определены место и роль иногороднего крестьянства в развитии и освоении региона, охарактеризованы поведенческие модели, которые во многом определялись традициями, заложенными в период фронта, рассмотрены отношения с коренным населением. Результатом работы стало определение образа иногороднего крестьянства как типа «фронтирмена», который активно осваивает внешнее пространство в различных аспектах социальной и производственной жизни. Делается вывод о том, что фронт выступал фактором формирования специфики социального пространства, влиял на складывание и развитие местных сообществ и выбор моделей поведения. Материалы исследования могут быть использованы при изучении микро- и макроистории России; статья предназначена для ученых, образовательного сообщества.

Ключевые слова

южный фронт; социокультурные процессы; Донская область; аграрные миграции; крестьянская колонизация; пореформенный период; иногороднее крестьянство; интеграция; модели поведения; менталитет

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

К постановке проблемы

Историческое исследование в рамках теории фронта предполагает осуществление многомерного анализа, т.к. сам фронтир можно рассматривать в трехмерном пространстве: географическом, временном, социальном¹. Понимание фронта как особых – «места, периода, ресурсов и образа жизни» (Романова, Якушенков, & Хлыщева и др., 2014, с. 25) предопределяет необходимость комплексного подхода. Отдельный интерес представляет обращение к вопросу не столько физического освоения и включения тех или иных территорий в общероссийское пространство, сколько особенностей становления социума в зонах фронта, экономическое, культурное бытование народов². Перспективным представляется проведение анализа того, насколько фактор фронта влиял на складывание и функционирование социального пространства и его последующее развитие в условиях «постфронтального» периода, определял формирование и эволюцию социальных типов и связей. Предмет нашего исследования – образ человека фронта на материалах Дона (Область войска Донского), объект – иногородние крестьяне, являвшие собой весьма примечательную группу в социальной структуре региона – многочисленную, активно участвующую в социально-экономическом процессе, но отличную от массива коренного казачества и крестьянства. С целью рассмотрения влияния фактора фронта на социальное пространство и его сообщества в их развитии хронологические рамки определены более поздним по отношению к начальному этапу освоения края пореформенным периодом (вторая половина XIX – начало XX вв.).

Социальные отношения в зоне фронта имеют определенное своеобразие. Существовая во времени, фронтир соответствует периоду освоения пространства, включения его в основную территорию; но одновременно – интеграции в единую социально-экономическую, правовую, культурную систему во всем многообразии аспектов этой интеграции. Между тем процессы, заложенные в ее основании, не могут прекратиться одновременно с прекращением существования самого фронта; они находят свое отражение в этно-культурных, социальных особенностях, специфике материальной, производственной, бытовой культуры, возникновении сигнификатов. Каппелер отмечал, что фронтир интересен и уникален как зона «коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой» (Каппелер, 2003, с. 49). Замятиной Н.Ю. подчеркивалось, что фронтир –

- 1 Не случайно, Баррет Т. считал, что российский фронтир следует изучать «во всем его этническом разнообразии... демографическую подвижность, ... культурные и экономические отношения и окружающую среду» (Барретт, 2000, сс. 193-194)
- 2 Социокультурные особенности осваиваемых территорий становились предметом самостоятельных исследований (см., например, Лурье, 1998; Баева, 2016; Немировская & Фoa, 2013; Резун & Шиловский, 2005; Басалаева, 2012; Романова, Якушенков, Хлыщева и др., 2014).

это не граница территории, а «зона особых социальных условий», определявшихся собственно происходящими процессами освоения (Замятина, 1998, с. 76).

Сценарии развития общественной среды пограничных земель в процессе их освоения могли различаться (Мизис, Скобелкин & Папков, 2015). Воспроизведение форм социальной жизни основной территории (метрополии) испытывает воздействие внутренних процессов на осваиваемой территории. Само социальное пространство в период фронта – не определено, коллективная идентичность членов сообщества – еще не прочная, не сложились окончательно экономические, социальные, управленческие роли, не установлены четко границы, продолжается миграция населения. Колонизационные процессы в зонах фронта обуславливали постоянное возобновление состава населения, разнообразие социальных и этнических элементов, альтернативность развития сообществ фронта.

Скажем несколько слов о типе человека фронтальной зоны. Исследователи выделяли ряд особенностей фронта, влияющих на менталитет его жителей. Так, Рибер А., отмечал, что нередко пограничье отличалось наличием «горячих точек», когда пограничные империи боролись за свое влияние (Рибер, 2004, с. 56-57). Соперничество государств, открытые вооруженные конфликты, смешение этнических и культурных традиций в этих зонах приводило, по мнению Рибера А., к возникновению «специфического типа пограничной культуры». Человек вынужден был действовать согласно «потребности элементарного выживания в этих зонах» (Рибер, 2004, с. 56). Замятина Н.Ю. отмечала в качестве отличительной особенности фронтальных зон, порубежья, чувство свободы – от устоев и традиций, классовых и сословных установок, прошлого самого человека (Замятина, 1998, с. 78). Это чувство свободы было обусловлено рядом факторов: тем, что само общество составлялось из массы переселенцев, освобождавшихся от устоев и границ своего прежнего обитания; отсутствием жесткого государственного, административного контроля; не сложившимися еще устоями сообщества самого фронта. В то же время, как подчеркивала Замятина Н.Ю., в условиях «стихийной демократии» жители порубежья вынуждены были признавать такое же право свободы за другими, «уважать свободу друг друга» (Замятина, 1998, с. 78).

Фронт можно понимать как особое пограничное состояние, пограничный статус, что не могло не отразиться на социальном поведении человека. Для разных участников фронта модели поведения могли существенно различаться, нередко происходила кардинальная смена ролей или образа жизни. Являлось ли подобное пограничное положение человека признаком маргинализации? Последний термин вносит известную социально-негативную окраску в понимание утраты принадлежности индивида к определенной общности вследствие занятия им промежуточного положения; отсюда – неустойчивость, неадаптированность, что приводит к социальному, психоло-

гическому разложению, люмпенизации. При утрате традиционных ориентиров и ценностей и неспособности принять новые маргинализирующиеся элементы могут вступать в конфликт с окружением, проявляя деструктивное поведение. Иное дело – человек фронта, который должен был обладать не только смелостью покинуть прежнюю родину, но также решимостью, готовностью отстаивать свое право на пребывание, существование на новом месте жительства. Очевидно, что приходящее на вновь осваиваемые земли население должно было иметь особый склад характера. Как правило, оно демонстрировало высокий адаптационный потенциал, хорошие производственные способности, умение противостоять внешним условиям. Люди фронта были открыты будущему, новому, хотя их образ не должен быть героизирован. Как верно отмечал Сопов А.В., население фронта – «далеко не «сливки общества» (Сопов, 2012), а Замятина подчеркивала, что в основном это люди, «вытолкнутые» из традиционного общества своей страны» в силу обстоятельств и собственного характера (Замятина, 1998, с. 77). Можно сказать, что человек фронта – нередко фигура без прошлого, с которым он порывал; на новом месте обитания он мог менять свой статус, род занятий. Но это отнюдь не маргинализованные элементы, утрачивающие в перспективе социальные ориентиры и ценности; напротив, это должны быть люди энергичные, целеустремленные, предприимчивые, способные к переоценке предыдущего опыта. Сообщество фронта можно сравнить с саморегулирующейся системой, которая соединяла в своем механизме различные элементы – опыт, вынесенный из метрополии, навык коммуникаций с соседними племенами, сообществами, порядок взаимодействия между самими жителями.

Дон и его население в контексте теории фронта

Обратимся к конкретно-историческому материалу исследования. Донская область (Область войска Донского) являлась одним из знаковых регионов, с уникальной историей и культурой. Район Подонья и Приазовья крайне интересен с позиций и микро- и макроистории России. Донские земли входили в состав так называемого Дикого поля, издревле переживавшего миграции различных народов. В период раннего Нового времени эта территория стала местом столкновения интересов России, Турции, Крымского ханства; здесь встречались оседлая земледельческая культура и цивилизации кочевников и народов, ведших полукочевой образ жизни; в непосредственной близости развивались кавказские народы. Однако в историографии тематика освоения собственно донского края с привлечением теории фронта остается недостаточно раскрытой. Подонье рассматривалось чаще в контексте изучения проблематики освоения южных рубежей, Дикого Поля, южнорусского фронта. Последнее направление – наиболее разработанное¹.

1 См., например, Мизис & Кашенко, 2011; Канищев & Лямин, 2018; Жуков, Канищев & Лямин, 2014; Канищев, 2018; Скобелкин, 2013b.

Каппелер, рассматривая южно-русский фронтир, включая региона Дона, отмечал характерные черты зоны фронта – взаимодействие оседлых народов и культур и земледельческого населения с кочевыми; православного – с мусульманским. Мизисом Ю.А., Скобелкиным О.В., Папковым А.И. определялись условия возникновения и существования южной фронтальной зоны, акцентировалось внимание на приграничном статусе; отмечалось, что эти земли являлись желанным объектом экспансии, а население, пребывающее на территории, имело разный уровень социально-экономического развития. Характер освоения региона также свойственен фронтальной зоне – границы его были подвижны, посредством возведения укрепленных городков происходило постепенное заселение новых районов. При этом расширение контролируемой (прежде всего, силой оружия) территории сопровождалось хозяйственной колонизацией. Налиествовал и характерный признак постоянной военной опасности на границах, которую представляла, прежде всего, Турция. Освоение данной территории казачеством сыграло важнейшую роль в укреплении границ степей причерноморья и приазовья.

Хронологически период фронта определялся исследователями по-разному. Замятина Н.Ю. относит существование фронтальной зоны Дона и Северного Кавказа на период XVII–нач. XIX в.; Мизис Ю. в определении хронологии освоения южнорусского фронта в качестве завершающего этапа указывает присоединение Азова и приазовья; основой территории становится междуречье Волги и Дона. Хронологически этот период приходится на XVIII в. Как результат, в последующий период территория фронта на юге отодвинулась на Кавказ (Мизис, Скобелкин & Папков, 2015).

Социальные процессы, происходившие на Дону, во многом испытывали воздействие фактора фронта. Сложившаяся в регионе социальная структура имела свою специфику, обусловленную в том числе особенностями заселения и освоения донских окраин в период раннего Нового времени. В регионе отмечался постоянный приток населения извне. Если рассматривать колонизацию как одну из базовых характеристик фронта, то Подонье и Приазовье представляют собой не менее интересный объект исследования, чем Сибирь и Восточный край. Важно, что история освоения Дона при рассмотрении её с позиции фронта не имеет такого признака, как столкновение пришлого населения с автохтонным, по той причине, что до возникновения здесь казачества территория была практически не заселена. Еще одна особенность освоения собственно нижнего и среднего Дона – отсутствие организованного государственного участия в самой колонизации, которая носила народный характер. Заселение территории Донской области шло самостоятельным, постепенным, путем занятия пустующих районов, обустройства казаками укрепленных пунктов – «зимовников», «городков», что, однако, в целом соответствовало общей схеме колонизации южнорусского фронта. В течение XV – XVIII вв. происходило уточнение границ, сформировалась особая военно-

политическая организация – Войско Донское. Казачество рассматривало эту землю как родную, собственную. Не случайно до 1870 года территория называлась Землей Войска Донского. Лежащая исторически в основе освоения Донской области стихийная народная колонизация способствовала формированию сообщества казачества, затем складыванию общности крестьянства и появлению других социальных групп, что признавалось и местными авторами еще дооктябрьского периода (Снесарев, 1870; Овчинников, 1912). В результате в регионе фактически самостийно, без какого-либо стороннего вмешательства, по крайней мере на начальном этапе, образовались 2 разных мира – воинов-казаков и пахарей-крестьян. Социальные роли субъектов были различны, и фактор фронта во многом повлиял на то, что эти два мира не слились воедино, но при этом и не вошли в конфронтацию, с разных позиций внося свой вклад в дело освоения стратегически важного региона.

В историографии фронта наиболее наработан опыт изучения казачества. Непосредственно или косвенно районы, заселенные казаками, становились объектом отдельных изысканий¹. Одним из первых к рассмотрению пограничных территорий вольных казаков обратился Каппелер А., исследовавший южный и восточный фронты (Каппелер, 2003). В региональной историографии следует отметить изыскания Сень Д.В.² Перспективность использования понятия фронт в исследованиях «социокультурной специфики» раннего казачества отмечалась Рыбловой М.А. (Рыблова, 2009, с. 12)³.

Социальные процессы, обусловленные фактором принадлежности региона к зоне фронта, влияли на положение не только казаков, но и неказачьего населения. Вторую по численности социальную группу составляло крестьянство (от 30–40% всего населения), сыгравшее важную роль в освоении края. Между тем исследования, которые бы рассматривали историю неказачьего населения Дона с позиций теории фронта, практически отсутствуют. Среди близких по проблематике можно назвать труды, посвященные крестьянской колонизации окраин, которую еще дооктябрьские исследователи считали одной из ключевых особенностей российской истории (например, труды Багалея Д.И., Соколовского П.А., Кауфмана А.А.)⁴. Аграрные миграции стали особым фактором, оказавшим существенное влияние на протекание демографических, социальных, производственных, культурных процессов, ход исторического развития в целом. Каппелер А. выделял 2 особенности освоения подонья в целом: активную миграцию в регион населения из различных областей, а также смешение в результате этих миграций культур и укладов жизни. Он отмечал, что уже на раннем этапе освоения края в регион массами устремлялись «православные восточнославянские крестьяне и горожане», искавшие спасения в степи от налогового бремени и крепостной зависимости.

1 См., например, Божук, 2001; Баррет, 2000; Скобелкин, 2013а

2 См., например, Сень, 2006; Сень, 2007; Сень, 2011

3 По данному вопросу см. также Рыблова, 2008

4 Наиболее известные труды: Багалея, 1887; Соколовский, 1878; Кауфман, 1898; Кауфман, 1905

Вновь прибывшее население осваивало территорию, способствовало строительству укрепленных городков, занималось промыслами, участвовало в походах против степных кочевников, крымских татар и турок. Это пришлое население сыграло важную роль в распространении в регионе земледельческой культуры (Каппелер, 2003, с. 51).

Крестьянская колонизация Дона: ход, особенности, значение

Рассмотрим некоторые моменты крестьянской колонизации Дона. Если использовать формулировку Рибера А. (высказанную им относительно зарубежья) о том, что пограничье – скорее не линия, а зона, «насыщенная возможностями, привлекательностью и ресурсами» (Рибер, 2004, с. 216), то Дон, действительно, был местом весьма ресурсным. Что привлекало сюда крестьянство? Во-первых – воля. Донское казачество в качестве ориентира своего внутреннего развития видело волю; сформировался идеал вольного казака, способного отстаивать свободу и землю с оружием. Надеясь на покровительство и правило об отсутствии выдачи с Дона, тысячи крестьян бежали сюда в поисках свободы. Многие приходили с определенной целью – вступить в ряды свободного казачества (Греков, 1907, с. 72), длительное время эта возможность сохранялась. Во-вторых, для крестьян-переселенцев не менее важным было обилие пустующих земель. Красочно выразился исследователь Дона С.Ф. Номикосов, описывавший природные богатства края и отмечавший, что издавна «привольные степи бассейна Дона манили к себе пришельцев разных национальностей» (Номикосов, 1884, с. 9). Так как казачество долгое время не занималось земледелием, во многом именно крестьянская колонизация способствовала распространению земледельческой культуры, тем сыграв свою роль во включении фронта в единое экономическое пространство России. Земледельческая культура шла вслед за продвижением границ, наблюдалось постоянное расширение пахотных площадей. Земледелие со временем становится одним из ключевых видов производственной деятельности в регионе. Более того, к началу XX века Дон превращается в один из крупнейших хлебоэкспортных центров страны. И начало этому процессу было положено в период фронта. В целом, народная крестьянская колонизация Дона явилась одной из характерных черт периода фронта, она сохраняла свое значение в последующем, даже после прекращения его самого: крестьянские миграции на Дон отмечались на протяжении всего Нового времени, как в дореформенный, так и пореформенный период. Регион стал местом привлечения массы переселенцев, ищущих свободы, земли и заработка.

Интересен сам процесс развития социальной группы крестьянства в казачьем крае. Он отражает ход истории страны в целом, но непосредственно

несет в себе наследие фронта. Фактически период фронта – это время поиска путей развития, поскольку будущее – многовариантно. Дон в конечном итоге пошел по сценарию метрополии: по мере вхождения фронтальной зоны в основную территорию государства все отчетливее проявлялась тенденция к установлению феодального порядка. С течением времени здесь закрепляется феодальное землепользование, крепостное право, само казачество превращается в практически замкнутое привилегированное сословие. По указу 1763 г. все осевшие в области переселенцы (в источниках – «черкасы») включались в ежегодный подушный оклад, в связи с чем должны были записываться либо за отдельными лицами, либо за станичными обществами (Карасев, 1867, с. 75-76). Получив такую своеобразную «прописку», пришлое население сохраняло еще свободу, могло «перезаписываться», менять место жительства. На Дону образовались целые крестьянские поселения, слободы, жители которых, по согласованию со станичными обществами или отдельными домохозяевами, занимали участки земли и развивали свое хозяйство. К этому времени усиливается дифференциация внутри собственно казачьего сообщества, выделяется элита (старшины); само казачество становится более замкнутой группой (например, были изданы предписания, ограничивавшие браки между казачьим и крестьянским населением). Возможность вступления в ряды казачества сохранялась, но свобода переселенцев постепенно ограничивалась. Отмечались случаи передачи крестьян от станиц частным лицам, ужесточение контроля над перемещением крестьянского населения (Савельев, 1917, с. 26). В 1796 г. особым указом Павла I предусматривалось окончательное приписание крестьян на местах их фактического проживания, что по сути означало закрепощение крестьянства, ставшее следствием процесса включения Дона в общероссийское социально-экономическое пространство. Окончательно утверждаются феодальные порядки на Дону с принятием Положения по Управлению войском Донским 1835 года, определившим административно-управленческие, поземельные, служебные отношения, а также фактически закрепившим статус зависимого крестьянства.

С одной стороны – налицо единение порядков с метрополией, с другой – исторический опыт фронта имел свои проявления. Во-первых, особенности складывания социальной структуры испытывали сильное влияние изначальных установок. На этапе освоения региона дух свободы пропитывал этот край, и эта свобода не могла иссякнуть разом. Казаки, даже верхушка казачьего общества – помещные и безпоместные дворяне не были в полном смысле помещиками, оставаясь, прежде всего, воинами. Традиции вольницы вкупе с многолетним опытом проживания бок-о-бок с земледельческим крестьянским населением выразились в более слабом проникновении крепостнического духа в общественную жизнь. К тому же крепостное право просуществовало на Дону недолго, с 1861 года в области проводилась реформа по его отмене. Во-вторых, даже с установлением сословной структуры сохранялась

допустимость социальной мобильности. Несмотря на формальные и неформальные попытки ограничить включение в состав казаков иных элементов, эти процессы продолжались и в XIX веке. Установление крепостного права и превращение казачества в замкнутое сословие, безусловно, ограничили возможности социальной мобильности, однако не привели к их полному исчезновению. В пореформенный период – ежегодно в состав казачьих обществ включались иные элементы. Но особенно значительный процент включений и исключений давали сообщества крестьянства и мещан. В-третьих, сохранялась высокая значимость привлечения сторонних ресурсов – материальных, трудовых в традиционное хозяйство. Переселяющееся крестьянство на всех этапах активно участвовало в экономическом развитии казачьего края. Изначально казачество было ориентировано на военную службу, и, по свидетельству Номикосова С.Ф.,

«жило исключительно войной и для войны», занимаясь лишь промыслами и скотоводством. Хлебопашество было не только не в почете, но даже воспрещалось, «дабы воинским промыслам помехи не было» (Номикосов, 1884, с. 11).

При этом на начальном этапе на Дону при огромных пустующих пространствах существовало право занимать столько земли, сколько можно было обработать, чем активно пользовались старшинство и рядовые казаки. Не имея возможности, в силу постоянной отвлеченности на походы и службу, самостоятельно вести хозяйство, они испытывали острый недостаток в свободных рабочих руках, в связи с чем охотно разрешали селиться на занятых участках пришлому крестьянству, активно привлекали к работе переселенцев (Греков, 1907, с. 78; Коршиков, 1994, с. 222). Возможны были варианты: из определенной выгоды земли передавались в обработку крестьянам, либо использовался собственно труд переселенцев на определяемых договоренностью условиях, причем не только в земледелии, но также в зарождающемся промышленном производстве (Коршиков, 1997, с. 240). Привлечение сторонних ресурсов в традиционное хозяйство стало обычной практикой. Потребность в этих ресурсах сохранялась стабильно высокой. Не случайно в источниках упоминается, что казаки даже сманивали крестьян из соседних регионов (Савельев, 1917, с. 39). Учитывая массовое бегство крестьян на Дон, правительство всячески пыталось этому воспрепятствовать. Но казачество, отчасти следуя принципам вольницы, отчасти заинтересованное в привлечении крестьянского населения к производственным процессам, препятствовало розыску и поимке беглых, доходило даже до оказания сопротивления (1917, с. 20, 22-23). При крепостном праве использование дополнительного труда являлось привилегией высшего сословия, после – необходимостью для поддержания хозяйства; так или иначе, привлечение сторонних рабочих сил и передача казачьей земли в обработку крестьянскому населению стали одним из традиционных порядков на Дону, нормой, составляя часть экономической системы региона. В пореформенный период эта практика возобновилась, что

явилось благоприятным условием для новой волны миграций аграрного населения. Как и в период фронта, донские просторы манили тысячи людей. Бежали от малоземелья и налогового гнета, с той лишь разницей, что в ряды казачества теперь уже не стремились попасть в первую очередь. Но легенда о казацкой вольнице и просторах по-прежнему была жива.

Особенности колонизации донских окраин (первая волна – дореформенный период, вторая – пореформенный) привели к складыванию в регионе 2х категорий крестьянского населения – крестьянства коренного (прошедшего через систему крепостной зависимости) и иногороднего; положение, статус, права их различались. Колонизация пореформенного периода носила тот же народный характер, была стихийной, не имела какой-либо государственной программы в своей основе, поэтому положение иногороднего населения зависело от множества факторов: политики региональной администрации, отношения местного сообщества к переселенцам, собственной обеспеченности, трудоспособности. Важную значимость приобретали ментальные, интеллектуальные, психологические установки, мотивированность, способность к самоорганизации. Сама категория «иногородних» отдельно отмечалась в статистических, исторических, делопроизводственных документах.

Иногороднее крестьянство в социально-экономическом пространстве

Определяя место и роль социальной группы иногороднего крестьянства в пореформенном развитии Донской области, выделим несколько ключевых моментов. Наиболее очевидным является фактор демографический: массовая колонизация южных степных окраин изначально способствовала стабильному приросту населения (Коломейцева, 2018). Ежегодно в область прибывали десятки тысяч иногородних, более половины оставались на постоянное или продолжительное время. Особенно заметным был прирост собственно сельского населения: так, в период 80х гг. XVIII–50-е гг. XIX вв. крестьянское население в области увеличилось примерно в 5 раз (д.м.п.), в период второй половины XIX–начала XX века в 2,7 раза (д.м.п.). Темпы прироста в масштабах страны – весьма примечательные¹. В состав крестьянских обществ только официально (в основном – через браки) регулярно причислялось несколько тысяч иногородних. Значительное число переселенцев оседали на территории области безо всякого включения в состав местных обществ. По данным на 1900 год, в области насчитывалось около 430 тыс. иногородних лиц, из которых в сельской местности (в волостях и станицах) – свыше 300 тыс.². Проживание иногородних на территории войска официально было возможно на условиях уплаты посаженной платы, аренды, или покупки земли; но имелось и множество

1 Подсчитано по: Марков, 1915, сс. 67–68, 103, 112; Кеппен, 1857, сс. 199–200; Тройницкий, 1861, сс. 26–27; Памятная книжка Области войска Донского на 1899, с. 13; Ведомость о числе жителей..., 1905, сс. 62–63.

2 Подсчитано по: Памятная книжка Области войска Донского на 1900, сс. 4–21

примеров самозахватов. Прибывшие селились на территории станиц и волостей, в черте или за пределами населенных пунктов, вблизи железнодорожных станций, городов, на свободных войсковых землях и на участках частновладельческих (по договоренности с их хозяевами). В области возникали целые поселения иногороднего крестьянства, которые обозначались в источниках чаще как «временные». В материалах переписи 1897 года указывалось, что возникновение таких поселений можно считать «обстоятельством, ярко характеризующим экономическую жизнь донского края» (Список населенных мест по переписи 1897 г., 1905, с. 13). Только на войсковой земле по всей области насчитывалось на момент проведения переписи более 600 таких временных поселений, на частновладельческих землях – свыше 5 тыс. (1905, с. 13). Некоторые могли просуществовать недолго, пока не заканчивался срок аренды, «временность» других растягивалась на жизнь нескольких поколений. Многие из них были весьма многолюдны, с довольно развитой экономической жизнью, другие, не имеющие даже названия, численностью в несколько дворов, исчезали по прошествии нескольких лет, не оставляя сколько-нибудь заметных после себя следов (1905, с. 13).

Важную роль массовая колонизация сыграла в хозяйственном освоении края, его социально-экономическом развитии, что признавалось многими исследователями (Греков, 1905а, с. 34). Пришлое население постепенно проникало практически во все отрасли производства и торговлю. Приток экономически активного, выгодоориентированного контингента, безусловно, способствовал активизации производственной сферы. Право заниматься экономической деятельностью иногороднее население (как невойсковое) получило в 60х гг. XIX века. Разрешались приобретение и возведение домов, строений, в том числе торговых, заведение садов и рощ и, главное – аренда и покупка земельных участков. Кроме того, уплачиваемая посаженная плата являлась дополнительной статьей дохода в пользу станичных обществ (Тимощенко, 1908а, с. 2). Наглядными примерами положительных результатов более свободной экономической деятельности пришлого населения становились вновь возникающие и быстрорастущие населенные пункты, в которых скапливалось «множество предприимчивого иногороднего населения, и жизнь торговая и промышленная была ...ключом» (1908а, с. 2). Часть аграрных переселенцев уходила в города, активно занималась торговлей, ремеслом, нанималась на промышленные предприятия. В отличие от коренного крестьянства и казачества, которые существовали в рамках сложившейся общинной организации, переселенцы были более индивидуализированы. Коренному сообществу в силу традиционных устоев было сложнее встраиваться в отношения рынка; иногороднее население, несмотря на всю неустойчивость своего положения, связанную с отсутствием общественной поддержки и зачастую – маломальского капитала, активно занималось поиском дополнительных возможностей самореализации.

Поскольку наибольший приток населения давали сельские мигранты, на Дону увеличивался (причем – самостоятельно, без какого-либо участия со стороны правительства) массив населения, активно включающегося (непосредственно или в форме посредничества) в аграрное производство. Со второй половины XIX века Дон, наряду с Кубанью, превращается в один из крупнейших центров зернового производства в России. Наличие нескольких портов, высокие цены на хлеб, в том числе на мировых рынках, создавали благоприятные условия для увеличения оборотов и доходности сельскохозяйственной торговли, что, в свою очередь, стимулировало приток новых ресурсов в производственный процесс, увеличение числа его участников.

Иногороднее крестьянство стремилось к развитию собственного земледельческого хозяйства, многие добивались значительных успехов, составляя серьезную конкуренцию местному населению. Приток ресурсов (людских, финансовых) способствовал увеличению оборотов аграрного сектора. При экстенсивном способе производства Дон демонстрировал, например, стабильный рост посевных площадей, занимая по этому показателю едва ли не 1е место в Европейской России. При этом в капитализирующемся хозяйстве получила новый виток развития практика передачи ресурсов в сторонние руки, если это оказывалось приемлемо или выгодно. Высокий спрос на землю среди переселенцев значительно способствовал развитию земельного рынка. Многие выходцы из казачьей среды, не имевшие возможности обрабатывать свои участки лично, предпочитали сдавать их в аренду переселенцам за деньги или исполу (Овчинников, 1912, с. 731). Кроме того, на Дону имелся особый фонд запасных войсковых земель, участки которого администрацией передавались в аренду с целью пополнения войсковой казны, что приносило существенный доход (до 30% от всех доходов¹). К специфически региональным обстоятельствам добавлялась общероссийская тенденция: поступление на земельный рынок помещичьих участков. По мере активизации земледельческого производства со второй половины XIX века число пришлых людей, прибегавших к покупкам и аренде, оставалось стабильно высоким. Площади арендуемой земли постоянно росли (достигая по некоторым оценкам, до 3х млн. дес.²), поступательно нарастали и площади земель, приобретаемых крестьянами в собственность (Памятная книжка Области войска Донского на 1900, с. 25). При этом значительные объемы покупок приходились именно на выходцев из других регионов³.

Еще более широкое развитие получила традиция привлечения дополнительных трудовых ресурсов из числа пришлого населения. Масса пересе-

1 По данным ежегодных отчетов войсковых наказных

2 По данным статистических материалов Памятных книжек Области войска Донского на 1905 и 1911 годы. Также использованы сведения: Струков, 1880, с. 2

3 Проследить динамику участия иногороднего элемента в приобретении земельного фонда в области можно по данным отчетов Крестьянского поземельного банка. Нами проанализированы Отчеты за 1901-1905 гг.

ленцев, не имевших возможностей для заведения собственного хозяйства, активно пополняла ряды сельскохозяйственных наемных рабочих. Крупные землевладельцы, арендаторы, в том числе из среды самих переселенцев, и даже средние хозяйства, при экстенсивном способе производства (соответственно, увеличении обрабатываемой площади), остро нуждались в рабочей силе. Во время страды на Дон приходили тысячи иногородних работников; цены в период повышенного спроса иногда устанавливались «баснословные», т.к. отсутствие свободных рук грозило страшными потерями для земледельца (Шурунов, 1874). Широко были развиты сезонный и годичный найм. В целом область демонстрировала одни из самых высоких по России показателей использования наемного труда и отношения пришлых работников к местным¹.

Менталитет и взаимоотношения

От рассмотрения результатов практического участия иногороднего крестьянства в жизни края перейдем к ментальным аспектам. Дополним образ переселенцев некоторыми социально-психологическими характеристиками, многие из которых отражают тип человека фронтальной зоны. Следует отметить высокий адаптационный потенциал переселенцев. Изначально на Дон двигались весьма рискованные люди, ищущие свободы и земли, по словам Номикосова: «Бедные..., несчастливцы, гонимые... – все вообще искавшие в вольной и раздольной жизни казачества забвения от старых ран...». Применительно к начальному этапу освоения региона он подмечал «Дух скитальчества и склонность к переселению, присущая русскому народу, ...действовали с неудержимой силой». В современный ему XIX век эта тенденция сохранилась:

«И ныне на широких задонских степях можно видеть колонии поселенцев, живущих в землянках и мазанках, разве только лучшим устройством печей отличающихся...».

Изменился только источник достижения экономических благ:

«...теперешним поселенцам не приходится добывать зипунишек головами своими... упования поселенца сосредоточены уже исключительно на матушке-земле» (Номикосов, 1884, с. 15-16).

Положение переселенцев было крайне неустойчивым. Они были лишены общественной поддержки в лице сельского мира; благополучие их полностью зависело от финансовой обеспеченности, легальности пребывания. Далеко не все в группе иногороднего населения являлись состоятельными.

1 В частности, согласно сведениям Погожаева А.В., в Донской области отмечался один из самых высоких показателей соотношения пришлых работников и местного населения (Погожаев, 1906, карта-схема №2). Советские исследователи Ковальченко И.Д. и Бородкин Л.И. в своей аграрной типологии также относились Донскую область к регионам с высокой долей использования труда пришлых работников (Ковальченко, Ковальченко & Бородкин, 1979, с. 92).

Жители некоторых, в основном – небольших поселений на арендованной земле владели крайне жалкое существование, не имея доступа к каким-либо социальным благам, в условиях, называемых в источниках «убийственными» (Савельев, 1917, с. 55), не могли рассчитывать на помощь сельских обществ, развивали хозяйство порой в крайне стеснительных условиях, на малопродуктивных участках. Однако при всем при этом исследователи отмечали, что переселенцы, «обладая немалым зарядом энергии», стремились «выбиться в люди» (Козлов, 1992, с. 132), демонстрировали готовность примириться с трудными условиями обустройства на новом месте «со своей скудной обстановкой в чаяниях будущих благ».

Отметим, что процессы социальной дифференциации в среде иногороднего крестьянства были более выражены, чем среди коренного населения. Жажда к упрочению своего положения через обогащение, индивидуализированность нашли выражение в значительном числе зажиточных, капитализирующихся элементов, наращивающих площади и прочие ресурсы в среде иногородних. Арендуя или покупая участки, пришлое население стремилось всеми силами создать надежную финансовую основу. В руках таких предприимчивых переселенцев при высокой доходности зернового производства скапливались значительные капиталы. Показательно, например, что к началу XX века в области около 1/5 всех усовершенствованных, соответственно, более дорогостоящих сельхоз-орудий приходилось на хозяйства иногородних¹. Конкуренцию таким хозяевам из числа местных производителей (не считая крупных землевладельцев, бывших помещиков и чиновников) могли составить, пожалуй, только сельские товарищества и общества. В среде иногороднего населения выделялись, помимо непосредственно производящих, разного рода посредники, зарабатывавшие немалый капитал на всевозможных спекуляциях. Чаще практиковалась посредническая аренда: отдельное лицо снимало огромные участки, затем передавало их в субаренду по значительно увеличенной цене. От такой посреднической деятельности, целью которой была единственно – нажива, очень страдали мелкие и средние производители. С другой стороны, в среде иногороднего крестьянства имелась значительная часть малообеспеченных граждан, живших наемным трудом. При этом переселенцы демонстрировали достаточно высокий уровень социальной мобильности, вследствие чего границы этой группы крайне подвижны. Идентифицировать их социальную принадлежность в рамках традиционной сословной структуры иногда весьма затруднительно, т.к. бывшие мещане могли заниматься на Дону сельским хозяйством, а бывшие крестьяне – уходили в торговлю, в города и т.д. Этому же способствовал и начавшийся промышленный подъем на юге. В среде иногороднего населения, в том числе крестьянского, был высок процент предпринимательского элемента, не сосредотачивающегося на одном виде деятельности. Встречались весьма любо-

1 Подсчитано по: Памятная книжка Области войска Донского, 1905, с. 19

пытные экземпляры. Так, например, в 1911 г. в местной прессе печаталось объявление об открытии в г. Нахичеване-на-Дону торгового дома для производства и продажи музыкальных инструментов, учрежденного крестьянином Рязанской губернии А.В. Карасевым и ростовским мещанином М. Бороковым («Нахичеванская на Дону Городская Управа...», 1911, с. 1).

Таким образом, контингент переселенцев был неоднороден по своему составу; в нем выделялись элементы с разной мотивацией, социальными навыками и установками: приходящие на Дон с целью временного заработка, или те, кто действительно планировал обрести новую родину. Но это были не маргиналы, это были вполне социально и экономически активные участники общественных процессов. Покидая места своего прежнего проживания, они могли изменять статус, но при этом не демонстрировали деструктивного поведения массово. Иногородние сумели встроиться в существующую социально-экономическую систему. Особенно интересна их роль в общественном производстве в период разложения традиционного хозяйства и становления капиталистического уклада. Если провести аналогию с выводами Шиловского М.В., выделявшего 3 вида фронта – внешний, внутренний и «внутрицивилизационный – между старожилами и переселенцами» (Шиловский, 2003, с. 101), можно сказать, что переселенцы пореформенного периода – это своего рода фронтирмены, осваивающие капитализирующееся социально-экономическое пространство традиционного Дона. Именно в среде иногороднего населения приобретали колоссальное значение факторы субъективные: интеллектуальная подготовленность, способность к адаптации, уровень самоорганизации, предприимчивость, производственные навыки, мотивированность. В период капиталистической модернизации эти факторы определяли успешность интеграции в социальную и производственную сферу не только для мигрантов потока «деревня-город», что было характерно в условиях нарастающей урбанизации, но и для переселенцев собственно в сельскую местность (а на Дону таковых было большинство), где они находились в состоянии конкурентной борьбы не только с местным населением, но и между собой. Фактор самоорганизации играл порой решающую роль, прежде всего потому, что легализация присутствия в области подразумевала вступление в обязательственные отношения (с частными лицами, обществом, войском) по поводу приобретения постоянного или временного права проживания, что предполагало исполнение административно-правовых условий, принятие ответственности.

О способности самоорганизовываться свидетельствуют коллективные ходатайства обществ иногороднего крестьянства. Так, например, в 1908 году в Таганрогском округе группа жителей временного поселка, образованного на площадях, арендованных у местного землевладельца, пыталась организованно опротестовать решение своего арендодателя о многократном повышении платы. Крестьяне ходатайствовали о выделении арендатором дополни-

тельного участка для постройки церкви и школы (что свидетельствовало, в свою очередь, об успешности развития временного поселения), однако повышенная плата оказалась непосильной. Поселенцы обратились даже к Русско-Донецкому обществу за помощью, и, идя навстречу просящим, движимым, как указывалось, «религиозным чувством», общество выделило им под постройку церкви и школы земельные участки бесплатно. По мере обострения конфликта поселенцы обратились к местному начальству, ходатайствуя об урегулировании вопросов между ними и землевладельцем (Таганрогский округ, 1908, с. 4).

Характер взаимодействия коренного и иногороднего населения также во многом отражал специфику регионов, осваиваемых по типу фронта. По мнению Баевой Л.В., фронт отличается контрастностью, сочетанием в зоне освоения лояльности, терпимости и стремления к продвижению своей культуры (Баева, 2014, с. 35), добавим – установок и ценностей. Иногороднее и коренное население демонстрировало контрастные формы взаимоотношений: от взаимовыгодного сотрудничества до конкуренции. Такой дальний размах можно рассматривать как демонстрацию наследия фронта, вариативности его развития. В переселенцах коренные жители видели, прежде всего, конкурентов. Изначально демаркация казачьего и неказачьего населения была, безусловно, ощутима, но совместное проживание бок-о-бок коренного крестьянства и казаков позволило говорить об установлении добрососедских отношений.

Но не только сила традиции сближала местное крестьянство и казачество: в конце XIX-начале XX века крестьяне-общинники и казачество, пользовавшиеся паевыми наделами, переживали сходные проблемы, связанные с кризисом общинного землепользования и традиционного способа ведения хозяйства, усугублявшиеся необходимостью исполнения различных повинностей. К пришлому же населению относились с известной предубежденностью. Пришлых именовали иногородними, тавричанами, хохлами, мужиками (Овчинников, 1912, с. 273) и проч. В отношении к иногородним присутствовало известное пренебрежение и притеснения, отмечаемые исследователями (Харузин, 1885, с. 29). Известны случаи, когда местное население пыталось препятствовать переселенцам в пользовании угодьями (ГАРО, Оп. 1. Д. 2325. Л. 1-5). Недовольство местных жителей вызывал, например, тот факт, что иногороднее население не участвовало в общественной жизни и содержании разного рода структур – администрации, полиции, учебных заведений и проч., но весьма активно пользовалось их услугами (Тимошенко, 1908с, с. 3). Много говорилось о пагубном влиянии иногородних на местное производство, необходимости «очистить казачью общину от чуждого ей элемента» (Гончаров, 1908b, с. 2), критиковалось «хищническое использование» природных богатств края (Гражданин, 1908а, с. 2; «Местный отдел. Хищническая эксплуатация...», 1908, с. 3), постановлялись приговоры о запрещении иногородним скупать

в одни руки более определенного количества десятин земли с целью спекуляции («Местный отдел. Хутор Павловско-Кундрюческий...», 1908, с. 3). «Предприимчивость» иногородних выражалась в самовольном занятии пустующих земель и участков, относящихся к черте поселений, что вызывало естественное недовольство местных жителей (Гражданин, 1908а, с. 2-3). С другой стороны, сотрудничество между коренным и иногородним населением приносило известные выгоды, как в виде, например, доходов с аренды и посаженной платы, так и за счет притока ресурсов в экономику региона. Возникающие же конфликты и недовольство излишней предприимчивостью пришлого элемента являлись отчасти следствием сложившейся в регионе хозяйственной системы, нередко, – попустительства местной администрации. Так, активное участие иногороднего элемента в земельном рынке, в том числе – спекуляции на перепродажах и субаренде, можно рассматривать как результат самой ситуации упадка наделного землепользования, развивавшегося под влиянием рыночной конъюнктуры, которую пришлые использовали в своих целях. На сделки с иногородними арендаторами охотно шли те, кто самолично землю не обрабатывал, давно порвав с сельской жизнью и мало озабочиваясь общественными интересами. Они передавали свои участки пришлому элементу, используя землю как источник получения дохода. Пришлый арендатор в жажде скорой наживы доводил ее до совершенного истощения или пускал в субаренду по баснословной цене. Чем больше было предложение, тем более увеличивался поток переселенцев.

Сложившаяся ситуация, названная в одном из описаний «злом, возникшим на аграрной почве» (Тимощенков, 1908b, с. 2), являлась прямым следствием процесса трансформации традиционного хозяйства. О ее закономерности рассуждали современники изучаемого периода (Пузанов, 1908, с 2-3; Гончаров, 1908b, с 2-3; Гончаров, 1908а, с 2-3; «Местный отдел. Хищническая эксплуатация...», 1908, с. 3). Доставалось и местной администрации, которую критиковали за попустительство в деле сбора с пришлого населения посаженной платы, по которой накапливались огромные долги, между тем как средства эти должны были направляться на общественные нужды (Гражданин, 1908b, с. 2). Негативные стороны активного заселения региона пришлым элементом объективно имелись: переход значительной доли ресурсов в руки иногороднего населения, конкуренция, которую местные производители, сдерживаемые рамками общинной организации, просто не выдерживали. Местное крестьянство значительно уступало многим иногородним в финансовой обеспеченности.

Однако однозначно противопоставлять местное и иногороднее население как «бедное» и «зажиточное» – не следует. Характерная для капитализирующегося аграрного сектора поляризация отмечалась и среди коренного населения – казачьего и крестьянского, и среди пришлого. В составе иногородних встречались крупные арендаторы, спекулянты на субаренде, торговцы, скотопро-

мышленники, сложилась прослойка ремесленников, мелких арендаторов, положение которых мало отличалось от рядового местного населения; имелась огромная масса бедноты, шедшей, чаще всего, в найм. По причине неустойчивости положения в среде иногороднего населения отмечались и негативные социальные явления, отклонения, объяснявшиеся крайней индивидуализированностью жизни пришлого человека, не подчинявшегося локальным исторически сложившимся правилам, традициям, установкам; определенная часть переселенцев была ориентирована на быстрое обогащение любыми способами и склонна к разного рода девиациям, противоправным действиям (Греков, 1905; Номикосов, 1884, с. 331). В целом же усиленная колонизация Дона пришлым, особенно аграрным, населением, являла собой один из интереснейших аспектов пореформенного развития. С одной стороны, формирование социальной группы иногороднего населения имело исторические корни и отражало локальную специфику, испытывало влияние традиций фронта, с другой, переживало прямое воздействие модернизационных процессов, происходивших в стране.

Выводы

Использование элементов теории фронта представляется интересным опытом для изучения социальных процессов, происходивших в регионах страны, занимавших пограничное, окраинное положение. Фронт выступал как фактор формирования особого уклада общественной жизни локальных сообществ, поведенческих моделей, складывания паттернов, особенностей производственной, материальной, бытовой культуры. Обращение к конкретному историческому материалу позволяет проследить влияние фронта на последующее развитие территории. Область войска Донского – пример того, как процессы, заложенные на начальном этапе освоения региона, получали дальнейшее развитие в социально-экономической жизни. Одним из ключевых моментов являлась массовая колонизация, имевшая народный характер. Масса переселенцев сыграла важную роль в деле хозяйственного освоения края, оказала существенное влияние на социально-экономические отношения в регионе. На фоне начального этапа колонизации происходит завершение этапа фронта, Дон входит в единую административную, хозяйственную, социальную структуру российского общества.

В пореформенный период колонизация края возобновилась, что явилось прямым продолжением традиции переселения крестьянства на окраины в поисках лучшей доли. Локализованные сообщества казачества и крестьянства, коренного и иногороднего населения тесно контактировали, но известное дистанцирование сохранялось в сфере как правовых, так и экономических отношений. По мере возобновления аграрных миграций казачество и коренное крестьянство в определенном смысле объединялось, проти-

вопоставляя сложившийся традиционный уклад активно вовлекающемуся в общественную жизнь иногороднему населению. Общая социальная память, одно из фундаментальных оснований формирования социального пространства, между коренным и пришлым населением отсутствовала. Иногородние оказались вне мира и казачьей, и крестьянской общности. Для них Дон не имел сакральной силы, не являлся местом памяти. Основания для возникновения общности имелись: например, религиозные (приверженность большинства населения к православию), общее участие в производственных процессах (основная масса населения была задействована в земледелии). Но социальные маркеры различались, иногороднее население было в большей степени свободно от рамок и установок общинной организации, в которой проживало население коренное. Оно было социально менее защищено и обеспечено, но тем сильнее проявлялась предприимчивость и адаптационный потенциал переселенцев. Каждая из упомянутых групп населения аккумулировала накопленный опыт внутренних и внешних взаимодействий, определяя свою идентичность в рамках сложившейся социальной структуры. И если на начальном этапе существования фронтальной зоны переселяющееся крестьянство способствовало утверждению земледельческой культуры и стало фоном для формирования хозяйственного комплекса по типу феодального хозяйства, то в пореформенный период сценарий повторялся, но уже на новом витке – иногороднее население стало во многом проводником утверждения новых отношений капиталистического толка. При этом сохранялись традиции, заложенные еще в период существования фронта: практика использования сторонних ресурсов в производственных процессах и передачи внутренних ресурсов в руки пришлого населения; отмечалась социальная мобильность, активное освоение окружающего социального и экономического пространства иногородним элементом.

Таким образом, можно судить о существенном влиянии фактора фронта на формирование традиций, установок, социальных связей, складывание специфики локального сообщества. Важен исторический опыт: принадлежность территории к фронту становится сама по себе фактором, влияющим на особенности ее последующего развития.

Список литературы

- Багaley, Д. И. (1887). *Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства: Исследование Д. И. Багалея*. Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете.
- Баева, Л. В. (2014). Типология и проблемы изучения Южно-российского фронта. *Вестник Волгоградского Государственного Университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*, 2, 32–38.

- Баева, Л. В. (2016). Проблемы культурной безопасности в изучении фронтирных регионов. *Гуманитарный вектор. Серия: философия и культурология*, 11(2), 37–42. <https://doi.org/10.21209/2307-1826-2016-11-2-37-42>
- Барретт, Т. (2000). Линии неопределенности: Северокавказский «фронтир» России. В *Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Антология. Т.2: Императорский период (с 163–194)*. Самарский университет.
- Басалаева, И. П. (2012). Критерии фронта: К постановке проблемы. *Теория и практика общественного развития*, 2, 46–49.
- Боек, Б. (2001). Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества. В *Социальная организация и обычное право: Материалы научной конференции (с 147–155)*. Вольные мастера.
- Ведомость о числе жителей по сословиям в области войска Донского за 1904 год. (1905). В *Отчет Войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1904 год. Ч. 2. Часть гражданская*. Новочеркасск.
- Гончаров, А. (1908a, май 20). К переделам станичных общественных земель. I. *Донские областные ведомости*, 105, 2–3.
- Гончаров, А. (1908b, июнь 12). К переделам станичных общественных земель. V. *Донские областные ведомости*, 123, 2–3.
- Государственный архив Ростовской области. (б. д.). Оп. 1. Д. 2325. Ф 46.
- Гражданин. (1908a, июль 12). К задолженности иногородными посаженной платы Ново-черкасскому станичному обществу. *Донские областные ведомости*, 149.
- Гражданин. (1908b, сентябрь 6). Зверевское торгово-промышленное поселение в юрте станицы Новочеркасской. *Донские областные ведомости*, 191, 2–3.
- Греков, А. М. (1905a). Нужды Дона в трудах местных сельскохозяйственных комитетов. *Сборник Областного войска Донского статистического комитета*, 5, 16–46.
- Греков, А. М. (1905b). *Очерки экономического и хозяйственного быта населения Донской области*. Типография К. Д. Чумаченко.
- Греков, А. М. (1907). К истории земельного вопроса на Дону в связи с современным положением и решением его. *Сборник Областного войска донского статистического комитета*, 7, 71–98.
- Жуков, Д. С., Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2014). Эвристический потенциал фрактальной моделирования процессов включения южнорусского фронта в состав России в XVII – середине XIX в. В *Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (с 233–248)*. Южный федеральный университет.
- Замятина, Н. Ю. (1998). Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах. *Общественные науки и современность*, 5, 75–89.
- Канищев, В. В. (2018). Преодоление социальной специфики населения южнорусского фронта в конце XVIII – первой половине XIX вв. (По материалам Тамбовской губернии). *Научные ведомости БелГУ*, 45(2), 318–325. <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2018-45-2-318-325>
- Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2018). Факторы фрактальной модели вхождения зоны южнорусского фронта в состав Московского государства: Новая версия. *Журнал Фронтирных Исследований*, 4, 60–75. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-10023>

- Каппелер, А., & Каплуновского, А. (2003). Южный и Восточный Фронт России в XVI – XVIII вв. *Ab Imperio*, 2003(1), 47–64. <https://doi.org/10.1353/imp.2003.0126>
- Карасев, А. А. (1867). Донские крестьяне. Труды областного войска донского статистического комитета, 1, 72–118.
- Кауфман, А. А. (1898). К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. Товарищество типографии А.И. Мамонтова.
- Кауфман, А. А. (1905). Переселение и колонизация. Типография товарищества «Общественная Польза».
- Кеппен, П. И. (1857). Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в России в 1851 г. Типография Императорской Академии наук.
- Ковальченко, И. Д., & Бородкин, Л. И. (1979). Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX-XX веков: (Опыт многомерного количественного анализа. *История СССР*, 1, 59–95.
- Козлов, А. И. (1992). Житница Европы. Конец XIX – начало XX веков. *Международная жизнь*, 5, 132–139.
- Коломейцева, М. А. (2018). Демографические процессы в среде крестьянства Дона в конце XIX в. *Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН*, 2, 38–46. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2018-36-2-38-46>
- Коршиков, Н. (1994). Земля и воля. Реформирование землепользования на Дону в первой половине XIX века. *Дон*, 1, 222–234.
- Коршиков, Н. (1997). Как жили на Дону (XVIII – I половина XIX). *Дон*, 5, 223–252.
- Лурье, С. В. (1998). Восприятие народом осваиваемой территории. *Общественные науки и современность*, 5, 61–74.
- Марков, К. В. (1915). Крестьяне на Дону. Сборник Области войска донского статистического комитета, 13, 25–113.
- Местный отдел. Хищническая эксплуатация станичной общественной земли. (1908). *Донские областные ведомости*, 136.
- Местный отдел. Хутор Павловско-Кундрюческий, Новочеркасской станицы. (1908). *Донские областные ведомости*, 94.
- Мизис, Ю. А., & Кашенко, С. Г. (2011). Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. В отечественной историографии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История*, 1, 9–16.
- Мизис, Ю. А., Скобелкин, О. В., & Папков, А. И. (2015). Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. *Вестник Тамбовского государственного университета*, 10, 7–15. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15>
- Нахичеванская на Дону Городская Управа. (1911). *Донские областные ведомости*, 10.
- Немировская, А. В., & Фoa, Р. (2013). Социокультурные особенности фронта в России. *Социологические исследования*, 4, 80–88.
- Номикосов, С. Ф. (1884). *Статистическое описание Области Войска Донского*. Областная войска Донского типография.

- Овчинников, Н. Г. (1912). Как может улучшить донской казак свое хозяйство. I В старину и ныне. Донская Государственная Публичная Библиотека. Vivaldi. <https://vivaldi.dspl.ru/pm0002057/view/?#page=2>
- Отчеты Крестьянского поземельного банка. (1884). Товарищество «Печатня С. П. Яковлева».
- Памятная книжка Области войска Донского на 1899; на 1900; на 1905. (1905). Областная войска Донского типография.
- Погожев, А. В. (1906). Учет численности и состава рабочих в России: Материалы по статистике труда. Типография Императорской Академии наук.
- Пузанов, В. В. (1908). Теория и практика (начало). Донские областные ведомости, 153, 2–3.
- Резун, Д. Я., & Шиловский, М. В. (2005). Сибирь, конец XVI – начало XX века: Фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. ИД «Сова».
- Рибер, А. (2004а). Меняющиеся концепции и конструкции фронта. В Новая имперская история постсоветского пространства (с 199–223). Центр исследований национализма и империи.
- Рибер, А. (2004б). Сравнимая континентальные империи. В Российская империя в сравнительной перспективе (с 33–71). Новое издательство.
- Романова, А. П., Якушенков, С. Н., Хлыщева, Е. В., Васильев, Д. В., Якушенкова, О. С., Кусмидинова, М. Х., & Топчиев, М. С. (2014). Нижневолжский фронт: Культурная память и культурное наследие. Издатель: Сорокин Роман Васильевич.
- Рыблова, М. А. (2008). Социокультурные трансформации на Дону (XVI–XIX вв.). В Казачество в истории России: Прошлое и настоящее. Сборник научных статей, выпуск 2 (с 3–33). Издательство: ЮНЦ РАН.
- Рыблова, М. А. (2009). Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Санкт-Петербург.
- Савельев, Е. П. (1917). Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьем. Историко-статистический очерк. Донская Епархиальная Типография.
- Сень, Д. В. (2006). Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в конце XVII–XVIII вв.: Практики взаимоотношений фронтирных сообществ с мусульманскими государствами Причерноморья (в контексте задач и перспектив изучения международных отношений в регионе). В Историческое знание Кубани: Становление и тенденции развития (конец XVIII – начало XX в.). Материалы научной конференции (с 81–88). Диапазон-В.
- Сень, Д. В. (2007). Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа после церковного раскола: Фронтирные сообщества, религиозный нонконформизм и стратегии выживания. В Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности: Тезисы региональной научно-практической конференции (с 113–117). Издательство ВолГУ.
- Сень, Д. В. (2011). Из «вольных» казаков – в подданные крымских ханов: Казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII вв. Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность, 5, 46–54.
- Скобелкин, О. В. (2013а). Служилые люди южного фронта: Особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во 2-й половине XVII в. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология, 1, 58–65.

- Скобелкин, О. В. (2013b). Южный фронт России на рубеже 60–70х гг. XVI в. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 10, 43–48.
- Снесарев, Н. (1870). Празднование трехсотлетнего юбилея Донского войска в мае 1870 года, в Новочеркасске. *Донская Государственная Публичная Библиотека. Vivaldi*. <https://vivaldi.dspl.ru/pm0001439/view#page=5>.
- Соколовский, П. А. (1878). *Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей пред крепостным правом*. Типография Ф. С. Сущинского.
- Сопов, А. В. (2012). Концепт фронта и казаки. <http://www.slavakubani.ru/p-service/public-service/border-security/kontsept-frontira-i-kazaki/>
- Список населенных мест области Войска Донского по первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Ч.1. (1905). Областная войска Донского типография.
- Струков, И. И. (1880). По вопросу о краткосрочной и долгосрочной аренде земли в Донской области. *Донские областные ведомости*, 44.
- Таганрогский округ. (1908). *Донские областные ведомости*, 39, 4.
- Тимошенко, И. (1908а). Владимирская станица, Черкасского округа. Продолжение. *Донские областные ведомости*, 53, 2–3.
- Тимошенко, И. (1908b). Владимирская станица Черкасского округа (Хозяйственное обследование согласно журн.обл.правл., состоявшегося 30 мая 1907 года, №560). *Донские областные ведомости*, 52.
- Тройницкий, А. Г. (1861). *Крепостное население в России по 10-й народной переписи: Статистическое исследование*. Типография Карла Вульфа.
- Харузин, М. (1885). *Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузиным. Вып.1*. Типография М.П. Щепкина.
- Шиловский, М. В. (2003). Фронт и переселения (сибирский опыт). В *Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: Общее и особенное: Сборник статей. Вып.3* (с. 101–118). ИДМИ.
- Шурунов, И. (1874). Наше сельское хозяйство в Миусском округе, близ Азовского моря. *Донские областные ведомости*, 96.

References

- Baeva, L. V. (2014). Typology and Problems of Studying the Southern Russian Frontier. *Vestnik of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2, 32–38. (In Russian).
- Baeva, L. V. (2016). Problems of Cultural Security in the Study of Frontier Regions. *Humanitarian Vector. Series: Philosophy and Cultural Studies*, 11(2), 37–42. <https://doi.org/10.21209/2307-1826-2016-11-2-37-42> (In Russian).
- Bagaley, D. I. (1887). *Sketches from the History of Colonization and Life of the Steppe Margin of the Moscow State: A Study by D. I. Bagaley*. Published by the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. (In Russian).

- Barrett, T. (2000). Lines of Uncertainty: Russia's North Caucasus Frontier. In *American Russian Studies. Milestones of Historiography in Recent Years: An Anthology. Vol. 2: The Imperial Period* (pp. 163-194). Samara University. (In Russian).
- Basalaeva, I. P. (2012). Criteria of the Frontier: Towards a Problem Statement. *Theory and Practice of Social Development*, 2, 46-49. (In Russian).
- Bowk, B. (2001). Frontier or Borderland? The Role of Fragile Frontiers in the History of the Don Cossacks. In *Social Organization and Customary Law: Proceedings of a Scientific Conference* (pp. 147-155). Vol'nye mastera. (In Russian).
- Citizen. (1908a, July 12). To the debts of non-natives to the Novocherkassk stanitsa society. *Donskiye oblastnye vedomosti*, 149. (In Russian).
- Citizen. (1908b, September 6). Zverevsky trade and industrial settlement in the yurt of Novocherkasskaya stanitsa. *Donskiye oblastnye vedomosti*, 191, 2-3. (In Russian).
- Goncharov, A. (1908a, May 20). Toward the redistribution of stanitsa public lands. I. *Donskiye oblastnye vedomosti*, 105, 2-3. (In Russian).
- Goncharov, A. (1908b, June 12). To the redistribution of the stanitsa public lands.V. *Donskiye oblastnye vedomosti*, 123, 2-3. (In Russian).
- Grekov, A. M. (1905a). The needs of the Don in the works of local agricultural committees. *Collection of the Regional Troops of the Don Statistical Committee*, 5, 16-46. (In Russian).
- Grekov, A. M. (1905b). *Essays on the economic and economic life of the population of the Don region*. Typography of K. D. Chumachenko.. (In Russian).
- Grekov, A. M. (1907). To the History of the Land Question on the Don in Connection with the Present Situation and Solution of It. *Collection of the Region of the Don Army Statistical Committee*, 7, 71-98. (In Russian).
- Kanischev, V. V. (2018). Overcoming the Social Specificity of the South Russian Frontier Population in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries (On the Materials of the Tambov Province). *BelSU Scientific Bulletin*, 45(2), 318-325. <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2018-45-2-318-325> (In Russian).
- Kanischev, V. V., & Lyamin, S. K. (2018). Factors for a fractal model of the incorporation of the South Russian Frontier into Muscovity: a new version. *Journal of Frontier Studies*, 4, 60-75. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-10023> (In Russian).
- Kappeler, A., & Kaplunovsky, A. (2003). The Southern and Eastern Frontier of Russia in the 16th – 18th Centuries. *Ab Imperio*, 2003(1), 47-64. <https://doi.org/10.1353/imp.2003.0126> (In Russian).
- Karasev, A. A. (1867). The Don peasants. *Proceedings of the Regional Troops of the Don Statistical Committee*, 1, 72-118. (In Russian).
- Kaufman, A. A. (1898). *To a question on the causes and probable future of Russian resettlements*. The Association of A.I. Mamontov's Printing House. (In Russian).
- Kaufman, A. A. (1905). *Resettlement and Colonization*. Typography of the Public Polity company. (In Russian).
- Keppen, P. I. (1857). *The Ninth Revision: A Study on the Number of Residents in Russia in 1851*. Typography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russian).
- Kharuzin, M. (1885). *Information about Cossack communities on the Don. Materials for Customary Law, collected by Mikhail Kharuzin. Issue.1*. Typography of M.P. Schepkin.. (In Russian).

- Kolomeitseva, M. A. (2018). Peasants of the Don River Region: Demographic Processes in the Late 19th Century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*, 2, 38–46. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2018-36-2-38-46> (In Russian).
- Korshikov, N. (1994). Land and Will. Reforming land use on the Don in the first half of the 19th century. *Don*, 1, 222–234. (In Russian).
- Korshikov, N. (1997). How they lived on the Don (18th - first half of the 19th century). *Don*, 5, 223–252. (In Russian).
- Kovalchenko, I. D., & Borodkin, L. I. (1979). Agrarian typology of the provinces of European Russia at the turn of the 19th-20th centuries: (Experience of multidimensional quantitative analysis). *History of the USSR*, 1, 59–95. (In Russian).
- Kozlov, A. I. (1992). The Lodger of Europe. The End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries. *International life*, 5, 132–139. (In Russian).
- List of settlements of the Don region on the first general census of the Russian Empire in 1897.* (1905). Regional Don Army Printing House. (In Russian).
- Local Division. Pavlovsko-Kundryuisky farm, Novocherkasskaya stanitsa. (1908). *Donskiye oblastnye vedomosti*, 94. (In Russian).
- Local Division. Predatory exploitation of village public land. (1908). *Donskiye oblastnye vedomosti*, 136. (In Russian).
- Lurie, S. V. (1998). People's perception of the territory under development. *Social Sciences and Modernity*, 5, 61–74. (In Russian).
- Markov, K. V. (1915). Peasants on the Don. *Collection of the Don Oblast Troops of the Statistical Committee*, 13, 25–113. (In Russian).
- Memorial Book of the Don Region for 1899; for 1900; for 1905.* (1905). Regional Don Army printing house. (In Russian).
- Misis, Y. A., Skobelkin, O. V., & Papkov, A. I. (2015). The Theory of the Frontier and the South of Russia in the 16th-First Half of the 18th Century. *Bulletin of Tambov State University*, 10, 7–15. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15> (In Russian).
- Mizis, Yu. A., & Kashchenko, S. G. (2011). The problem of the formation of the Russian frontier in the south of Russia in the 16th – first half of the 18th century in the national historiography. *Vestnik (Herald) of St. Petersburg University. Series 2: History*, 1, 9–16. (In Russian).
- Nakhichevan on the Don City Council. (1911). *Donskiye oblastnye vedomosti*, 10. (In Russian).
- Nemirovskaya, A. V., & Foa, R. (2013). Sociocultural Features of the Frontier in Russia. *Sociological Studies*, 4, 80–88. (In Russian).
- Nomikosov, S. F. (1884). *Statistical Description of the Region of the Don Army.* The Regional Printing House of the Don Army. (In Russian).
- Ovchinnikov, N. G. (1912). How the Don Cossack can improve his economy. I In the old days and now-days. *Don State Public Library. Vivaldi*. <https://vivaldi.dspl.ru/pm0002057/view/?#page=2> (In Russian).
- Pogozhev, A. V. (1906). *An Account of the Number and Composition of Workers in Russia: Materials on Labor Statistics.* Typography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russian).
- Puzanov, V. V. (1908). Theory and practice (start). *Donskiye oblastnye vedomosti*, 153, 2–3. (In Russian).

- Register of the number of inhabitants according to estate in the region of the Don Army in 1904. (1905). In *Report of the Supreme Commander of the Army on the state of the Don region in 1904. Part 2. Part of the civil*. Novocherkassk. (In Russian).
- Reports of the Peasant Land Bank*. (1884). S. P. Yakovlev's Printing House Partnership. (In Russian).
- Rezun, D. Y., & Shilovsky, M. V. (2005). *Siberia, late 16th - early 20th century: Frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes*. Sova Publishing House. (In Russian).
- Rieber, A. (2004a). Changing concepts and constructs of frontier. In *A New Imperial History of the Post-Soviet Space* (pp. 199–223). Center for the Study of Nationalism and Empire. (In Russian).
- Rieber, A. (2004b). Comparing Continental Empires. In *The Russian Empire in Comparative Perspective* (pp. 33–71). New Publishers. (In Russian).
- Romanova, A. P., Yakushenkov, S. N., Khlyshcheva, E. V., Vasiliev, D. V., Yakushenkova, O. S., Kusmidinova, M. H., & Topchiev, M. S. (2014). *The Lower Volga Frontier: Cultural Memory and Cultural Heritage*. Publisher: Sorokin Roman Vasilievich. (In Russian).
- Ryblova, M. A. (2008). Sociocultural Transformations on the Don (16th – 19th). В *Казачество в истории России: Прошлое и настоящее. Сборник научных статей, выпуск 2* (с 3–33). Издательство: ЮИЦ РАН. (In Russian).
- Ryblova, M. A. (2009). *Men's communities of the Don Cossacks as a socio-cultural phenomenon of the 16th - the first third of the 19th century*. [PhD Thesis]. St. Petersburg. (In Russian).
- Savelyev, E. P. (1917). *The Peasant Question on the Don in Connection with the Cossack Question. Historical and Statistical Sketch*. Don Diocesan Printing House. (In Russian).
- Sen, D. V. (2006). The Cossacks of the Don and the Northwest Caucasus at the End of the 17th – 18th Centuries: Practices of Relationships between Frontier Communities and Muslim States of the Black Sea Region (in the Context of Tasks and Prospects of International Relations in the Region). In *Historical Knowledge of Kuban: Formation and Trends of Development (late 18th – early 20th century). Materials of the scientific conference* (pp. 81–88). Diapason-V. (In Russian).
- Sen, D. V. (2007). The Cossacks of the Don and the Northwest Caucasus after the Church Schism: Frontier Communities, Religious Nonconformism, and Survival Strategies. In *The Cossacks of the South of Russia in the processes of formation and development of Russian statehood: Abstracts of the Regional Scientific and Practical Conference* (pp. 113–117). VolSU Press. (In Russian).
- Sen, D. V. (2011). From Free Cossacks to Subjects of the Crimean Khans: Cossack Communities of the Don and the Caucasus at the End of the 17th and the Beginning of the 18th Centuries. *East. African-Asian Societies: History and Modernity*, 5, 46–54. (In Russian).
- Shilovsky, M. V. (2003). Frontier and Resettlement (Siberian Experience). In *The Frontier in the History of Siberia and North America in the Seventeenth and Twentieth Centuries: General and Special: A Collection of Articles. Issue 3* (pp. 101–118). IDMI. (In Russian).
- Shurunov, I. (1874). Our Agriculture in the Miussky District, Near the Sea of Azov. *Donskiye oblastnyye vedomosti*, 96. (In Russian).
- Skobelkin, O. V. (2013a). Servants of the Southern Frontier: Peculiarities of Land Tenure, Land and Estate Policy of the State in the 2nd Half of the 17th Century. *Vestnik Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 1, 58–65. (In Russian).

- Skobelkin, O. V. (2013b). The Southern Frontier of Russia at the Turn of the 60s-70s of the 16th century. *Vestnik of Tambov University. Series: Humanities*, 10, 43–48. (In Russian).
- Snesarev, N. (1870). Celebration of the Three Hundredth Anniversary of the Don Army in May 1870, in Novocherkassk. *Don State Public Library. Vivaldi*.
<https://vivaldi.dspl.ru/pm0001439/view#page=5>. (In Russian).
- Sokolovsky, P. A. (1878). *The Economic Life of the Farming Population of Russia and the Colonization of the Southeastern Steppes Before Serfdom*. Typography of F. S. Suschinsky. (In Russian).
- Sopov, A. V. (2012). *The Frontier Concept and the Cossacks*.
<http://www.slavakubani.ru/p-service/public-service/border-security/kontsept-frontira-i-kazaki/> (In Russian)
- State Archive of the Rostov Region. (n. d.). In. 1. C. 2325. F. 46. (In Russian).
- Strukov, I. I. (1880). On the question of short-term and long-term land lease in the Don Region. *Donskiye oblastnye vedomosti*, 44. (In Russian).
- Taganrog County. (1908). *Donskiye oblastnye vedomosti*, 39, 4. (In Russian).
- Timoshchenkov, I. (1908a). Vladimirskaya stanitsa, Cherkassky district. Continued at. *Donskiye oblastnye vedomosti*, 53, 2–3. (In Russian).
- Timoshchenkov, I. (1908b). Vladimirskaya stanitsa of Cherkassky district (Economic survey according to the journal of the regional board, held on May 30, 1907, No560). *Donskiye oblastnye vedomosti*, 52. (In Russian).
- Troinitsky, A. G. (1861). *Serf population in Russia according to the 10th national census: Statistical study*. Carl Wolff Printing House.. (In Russian).
- Zamyatina, N. Y. (1998). The Zone of Development (Frontier) and its Image in American and Russian Cultures. *Social Science and Modernity*, 5, 75–89. (In Russian).
- Zhukov, D. S., Kanischev, V. V., & Lyamin, S. K. (2014). Heuristic Potential of Fractal Modeling of the Inclusion of the South Russian Frontier into Russia in the 17th – Mid 19th Centuries. In *Borders and Borderlands in South Russian History: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference* (pp. 233–248). Southern Federal University. (In Russian).